

Станислав Кушарский

2022

У подножия нового мира

16+

Станислав Ефимович Кушарский

2022. У подножия нового мира

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=53825243

SelfPub; 2021

Аннотация

Хотите узнать, что будет в две тысячи двадцать втором? Интересно? А если выяснится, что не будет там ничего такого особенного? Войны вроде бы нет, коронавирус куда-то исчез. И люди живут вполне себе спокойной жизнью... Скучно? Пожалуй... Вот и Сергею Плахину тоже кажется, что в его жизни нет ничего интересного. Но все меняется, когда Плахин в своей квартире начинает разбирать доверху забитые антресоли. И находит там вещь, которая круто меняет его жизнь... Читайте долгожданное продолжение книги «Матушкин день, или В поисках утраченного прошлого»!

Содержание

Пролог	5
Часть первая. Будущее светло и прекрасно...	17
Глава вторая. Странствия начинающего Деда Мороза.	42
Глава третья. Перед рождеством...	50
Глава четвертая. Антресоли.	68
Конец ознакомительного фрагмента.	81

Станислав Кушарский

2022. У подножия нового мира

«Чтобы понять, куда ты идешь, надо иногда оглядываться назад»

Наблюдение автора

Пролог

Зачем я здесь?

Я не знаю...

Откуда я взялся? И куда я иду?

И этого я не знаю. Я знаю только одно: я должен все время идти. Идти вперед. Потому что только так я могу терпеть этот невыносимо холодный ветер.

Да, здесь очень холодно! Ветер не прекращается ни на мгновение. Но когда я иду, он чуточку слабеет. Совсем ненамного, но мне становится легче.

И ещё... Мне иногда кажется, что это ветер живой! Да, ветер словно бы играет со мной! Потому что стоит мне пойти чуть побыстрее, как он сперва начинает усиливаться, а потом издевательски разворачивается и начинает дуть мне в лицо. И тогда в нем откуда-то появляются колючие снежинки, которые больно вонзаются в мое тело. Но я уже понял, как мне следует поступать.

Я послушно поворачиваюсь к нему спиной.

Ветер, словно бы довольный собой, снова стихает. Совсем чуть-чуть, но для меня и это счастье!

Правда, длится оно совсем недолго. Спустя несколько шагов ветер снова начинает дуть мне в лицо. И я снова разворачиваюсь.

Но хуже всего мне было тогда, когда я решил, что больше не буду никуда идти! Почему я должен делать то, что хочет от меня этот отвратительный ветер? Нет, решил я, я возьму и просто лягу на землю, а он пусть дует себе надо мной сколько хочет. Пусть засыплет меня своими колючими снежинками! Пусть я умру, наконец...

Но здесь, похоже, нельзя умереть.

У меня, как и следовало ожидать, ничего не вышло. Когда я остановился, просто остановился, не решаясь ещё даже просто осуществить свое намерение, ветер неожиданно обрушился на меня сверху. И тогда я понял, каким злым он может быть на самом деле.

Он вдавил меня в землю так, что я даже не мог поднять ни головы, ни руки. И так было долго. Очень долго! Может быть, несколько лет...

А может, всего несколько мгновений. Здесь нет времени, и спросить его не у кого. Разве что у ветра? Но ветер, как мне кажется, не очень-то любит разговаривать.

Как я это узнал? А вот как. Тогда, когда он, вволю наигравшись со мной, наконец позволил мне встать, я пробормотал что-то... Уже не помню, что именно, наверное, какое-то ругательство в его адрес. Он ответил мне резким порывом, который чуть не сбил меня с ног. Он как будто бы опять хотел меня уронить... Чтобы у него снова появилась возможность рухнуть на меня сверху, со всей своей силой.

Но я устоял тогда! И ветер, уж и не знаю почему, пожалел

меня.

Или он признал во мне достойного соперника?

Не знаю. Скорее, он просто пожалел меня.

Он сбросил мне одежду. Маленький кусочек ткани! И взяв этот лоскуток в руки, я кое-что вспомнил...

Я вспомнил, что когда-то давно, носил одежду! И она защищала меня от ветра и от снега! И от чего-то ещё...

Я понял тогда, что я был наг. Наг и беззащитен перед безжалостным ледяным ветром...

Но это в прошлом! Теперь у меня есть этот небольшой кусок тряпки (да, я вспомнил, как это называется!), и ветер бессилен перед ним! Правда, он очень небольшой, этот кусок. Сказать точнее, он совсем маленький. Но там, где мое тело укрыто им, ветер уже не чувствуется...

Поэтому я постоянно передвигаю кусок тряпки, отогревая себя по частям. У меня появился смысл существования!

И ещё... Теперь я могу мечтать! Мечтать хотя бы о том, чтобы ветер сбросил на меня ещё один кусок. Только побольше первого! И тогда я смогу укрыться с головой, и ветер не достанет меня...

Но увы, больше ветер ничего не приносит. Я снова и снова передвигаю свою тряпку. Своё самое большое сокровище...

Да, я люблю её! Ведь она все, что у меня есть! И она прекрасна!

Я глажу ее, стараясь растянуть в стороны, чтобы она стала побольше, и могла лучше укрыть меня. Но я делаю это

очень осторожно, так, чтобы ненароком не повредить. И я всегда держу ее крепко, так, чтобы ветер не унес ее. Мою прелесть...

Да, кстати... Ветер! Что с ним случилось?

Он так и дует мне в спину! Это странно... Давно ведь пора разворачиваться! Может, он забыл про меня?

Я резко поворачиваюсь навстречу ему, и он, как всегда, резко усиливается, чтобы швырнуть мне в лицо горсть своих колючих снежинок. Ну ладно, не сердись на меня, я только проверил... Хорошо, я пойду туда, куда ты меня ведешь!

И вдруг...

Ветер стихает. Этого не может быть!

Но это так! Неужели мои мучения закончены?

Не-е-ет!

Ветер вдруг налетает на меня с такой силой, какой никогда не было прежде! Он дует сразу с нескольких сторон, и просто рвет меня на части!

Я пытаюсь повернуться к нему спиной, но это невозможно. Отовсюду летят свирепые колючие снежинки, нет, даже льдинки, которые, как мне кажется, пронзают меня насквозь...

Все, что я могу, это держать мою драгоценность... Я даже не пытаюсь укрыться ею, напротив, я сам укрываю ее своим телом.

За что? Что я сделал не так? Ведь мы неплохо уживались

с тобой, правда? Я делал все, как ты хотел, ведь так? Давай, все будет по-старому?

И тут я вдруг понимаю, что по-старому уже никогда не будет.

Потому что это НЕ МОЙ ВЕТЕР!

Это настоящий монстр, по сравнению с которым тот, что казался мне моим мучителем, теперь кажется добрым другом. О, как бы я хотел вернуться к нему!

Эта мысль захватывает меня... Я пытаюсь бежать, но бежать некуда. С этим Другим Ветром мне никогда не справиться. Он сильнее меня, намного сильнее, и я признаю это.

Но что же мне делать? Упасть, признать свое поражение?

Нет, падать тут нельзя. Это я знаю точно. Надо идти! Поэтому я опускаю голову и осторожно иду. Стараюсь выбрать такое направление, чтобы ветер не дул мне прямо в лицо. Я почему-то уверен, что у ветров одни правила. Так что надо идти, другого выхода нет! И кажется, у меня что-то получается...

Я даже доволен собой! Я справился!

Но внезапно моя нога запинается обо что-то, лежащее на земле, и я падаю...

То, что происходит потом, ужасно. На меня словно бы обрушивается небо...

Я не могу ни вздохнуть, ни пошевелиться. Другой Ветер давит меня, вжимая в землю. Мне кажется, ещё немного, и он совсем расплющит меня, и я наконец умру...

Ах да, я же забыл. Здесь нельзя умереть...

Так что придется терпеть. Ну успокоится же он когда-нибудь. Главное, что мое сокровище со мной! Я крепко держу его, и ветру не отнять его у меня, сколь бы силен он не был!

И тут я слышу стон...

Не может быть!

Здесь ведь никого не было! Были только я и ветер...

Но стон повторяется. Здесь определенно есть кто-то еще!

Стон слышен откуда-то справа от меня. Я очень хочу посмотреть туда, но моя голова намертво прижата к земле ветром, и повернуть ее нет никакой возможности.

Хотя... Я поймал момент! Ветер лишь чуть-чуть ослабил свою хватку, я приподнялся, повернул голову и увидел того, кто стонал.

Надо же, человек...

Откуда он здесь?

А откуда здесь я? Я ведь тоже человек!

Интересно... А я ведь даже забыл, кто я. А тут вот посмотрел на него и вспомнил.

Может, стоит посмотреть на него получше? Может, я вспомню что-нибудь ещё?

Глядя на него, я даже забываю про ветер.

Так, ему, похоже, плохо... Гораздо хуже, чем мне! Он даже не пытается встать, он смирился перед своим мучителем. Я вижу, как острые льдинки вонзаются в его тело, но он только морщится от боли.

Я вижу его лицо, и оно почему-то кажется мне знакомым. Мы, кажется, должны знать друг друга.

Знать? Но откуда? Ведь я всегда был тут, в краю Вечных Свирепых Ветров...

Или не всегда?

Или я... мы! Были где-то ещё?

Может, он мне скажет? Надо бы спросить у него...

И тут ветер напоминает о себе! Стоит мне лишь приоткрыть рот, как он с яростью проникает внутрь, пытаюсь разорвать меня изнутри.

Но теперь, когда у меня появилась цель, я стал гораздо сильнее. Меня не так уж легко сломить! Я буду бороться! Бороться за себя и за этого несчастного, который все больше и больше кажется мне знакомым!

Из последних сил я поднимаюсь, совсем ненамного, но этого достаточно, чтобы я достал из под себя свою драгоценность. Ветер пытается мне помешать, но я чувствую, что он уже не может этого! Я крепко держу ее обеими руками...

Это всего лишь маленький кусочек ткани. Ткани, перед которой почему-то бессилён самый свирепый ветер... Ткани, которая защитит... Не меня, но кого-то другого, потому что я знаю – ему хуже, чем мне, и я могу ему помочь!

А зачем? Зачем я ему помогаю? Кто он такой? Вдруг он сделал что-то ужасное, и теперь ему воздают по заслугам? Разве такого не может быть?

Может, соглашаюсь я с собой. Этот человек, скорее всего,

в чем-то виноват. Как и я. Кажется, сюда не попадают безвинные... И тех, кто оказался здесь, не принято жалеть! Но мне почему-то очень жаль этого беднягу.

...Мне кажется, или ветер стихает?

Точно! Он стал гораздо слабее! Настолько, что я могу приподняться ещё выше...

Решительным движением я расстилаю над лежащим ткань. Надо же, ее хватает, чтобы укрыть его целиком! Да ещё и мне остается, чтобы спрятаться под ней от ветра.

Странно... Так ведь не было! И не должно быть... Или что-то меняется?

Конечно, меняется! Ветер! Он пропал! Совсем стих!

То, что казалось незыблемым и нерушимым, исчезло. Его больше нет!

Какая тишина вокруг! Я ведь забыл, что бывает тишина...

Человек вдруг открывает глаза и говорит мне что-то.

Я не понимаю! Я, наверное, слишком долго не слышал человеческой речи. Я почти не понимаю его слов.

Разве что некоторые...

«Здорово, батя! Как же я рад тебя видеть! И палатку ты не забыл! А я уж думал, всё...»

Батя... Это я? Тогда этот человек... Кто же он? И что такое палатка?

«Я... не помню... – с трудом произношу я. – Я ничего не помню!»

«Да ну! – говорит он. – Неужели не помнишь? А как мы с тобой на рыбалку ходили, тоже не помнишь? Мне десять лет было, кажется...»

И вдруг я сразу все вспоминаю! Вспоминаю тот, другой мир! Мир, в котором не было страшного, пронизывающего насквозь ветра. Мир в котором было тепло... И еще, в нем были другие цвета, кроме белого и серого. Я помню их! Зеленый, голубой, желтый... Ещё какие-то... Много-много людей вокруг... И мы все жили там! В этом прекрасном мире...

«Так мы же ничего не поймали!» – неожиданно для себя говорю я.

«Ну вот, а говоришь, что не помнишь! Батя, а ты когда умер-то?»

Что? Я умер? Но тогда... Тогда где же мы?

Не опасаясь уже, что ветер вернется, я отбрасываю ткань. Вокруг нас ничего нет. Только бескрайнее белое поле. И такое же белое небо над ним. И все...

«И что же нам теперь делать?» – спрашиваю я у него.

«Ждать, наверное, – отвечает он. – Тут можно только ждать. И надеяться, что кто-то о нас вспомнит. Там!»

Он показывает пальцем вверх, в белое небо.

А пока... Пока мы сидим на моем куске ткани и разговариваем.

«Видишь, батя, тебе-то как повезло... Ты забыл всё! А я

вот всё помню. И всех... А знаешь, как тяжело это, когда лежишь, и ничего не можешь сделать, даже рукой пошевелить! Вьюга, она шутить не любит! Ты-то хоть ходить мог.»

«Вьюга? – осторожно спрашиваю я. – А я звал его Ветром...»

«Так у тебя и был Ветер! Средненький, судя по твоим рассказам. А меня по полной программе отработывали, как говорится. Вьюгой! Да оно и понятно, заслужил я... Так что ты меня спас! Так, а это кто там?»

Он вдруг встает. Машет кому-то рукой...

«Эй! Мы тут! Иди сюда!» – кричит он.

Да, у него было хорошее зрение. А я, кажется, всегда носил очки... Но теперь я тоже вижу!

Вижу, что по белоснежному полю уверенно идет высокий человек. Он точно не такой, как мы. Это понятно хотя бы потому, что он одет, причем одет, что называется, по сезону.

Длинный кожаный плащ, теплая меховая шапка, круглые черные очки. В одной руке он держит зажженный фонарик, в другой молоток на длинной ручке. Еще у него какая-то пузатая черная сумка на боку.

Кстати, откуда я знаю все эти названия?

Он подходит к нам совсем близко. И широко улыбается нам!

«О! – восклицает он, светя на нас фонариком. – Ещё двое вышли! Ну и славно. Так, дайте-ка я на вас посмотрю... Все правильно, Решетневы, отец и сын. Прошли испытание!»

Сын... Значит, у меня и вправду был сын?

И почему мы должны были пройти испытание?

«Да, далековато вас определили, – озабоченно говорит он, оглядываясь вокруг. – Придется подождать, пока дорога до вас дойдет. Рельсы нужны... Но дойдет, не бойтесь! А пока я вот тут возле вас вешечку поставлю. Да, и оденьтесь... А то тут холодно бывает!»

Человек, все еще улыбаясь, достает из своей сумки какую-то одежду, дает нам. Мы надеваем ее на себя. Это какие-то странные белые комбинезоны без застежек. В них сразу становится тепло...

«Простите, а вы вообще кто?» – спрашиваю я.

«Инженер, – отвечает он. – Дороги тут строю!»

«Тут? А что это за место?»

«А сам не понял, что ли?»

Я пожимаю плечами.

«Ну, раз не понял, так тебе тогда лучше и не знать!» – смеется человек.

«Пусть тогда так, – соглашаюсь я. – Но все равно спасибо!»

Он вдруг отворачивается и светит фонариком куда-то в сторону.

«Извините, но мне идти надо! – говорит он. – Там ещё кто-то вышел... Так что сидите и ждите тут. Пока не приедут за вами!»

«А куда мы поедем?» – неуверенно спрашивает сын.

«А это уже без меня решают», – отвечает тот, кто назвал себя Инженером.

Он уходит. Мы сидим, обнявшись.

«А помнишь, батя, как мы на футбол ходили?»

Конечно, помню, сынок!

«А как ты меня в армию провожал?»

И это помню... А как ты служил-то там?

«Не надо, – просит он. – Вот про это не надо... По-разному там было. По-разному...»

«В действительности всё не так, как на самом деле!»

В.С.Черномырдин

Часть первая. Будущее светло и прекрасно...

Глава первая. Идеальный дед

Четверг, 22 декабря 2022 года

— Папа, вставай! Уже семь часов!

«Что? Уже пора? – с печалью подумал Плахин. – Когда же я высплюсь-то, наконец?»

Но вслух сказал, конечно, совсем другое:

— Иду, доча, иду... Ты Дашу подняла?

— Это ещё вопрос, кто кого поднял, – усмехнулась Наташка. – Вон, за столом сидит, оладьи уплетает. Так что если хочешь ещё поваляться, вполне можешь остаться без завтрака. Да ведь, Дашенька?

С кухни никто не ответил. Видимо, Даша была увлечена оладьями.

— Всё-всё, я всё понял! – Плахин решительно отбросил одеяло. – Лечу! А ты уже убегаешь?

— Ну да, как всегда. У нас с опозданиями очень строго стало, за всё штрафуют. Я, конечно, ценный сотрудник, но правила ведь для всех одинаковые... Так что лучше всё-таки не опаздывать, сам понимаешь.

— Понимаю, – усмехнулся Плахин. – А я вот в своём ма-

газине старался к людям по-человечески относиться...

— Папа, – укоризненно сказала Наташка. – Вспомнил прошлогодний снег! Ты ещё про Советский Союз мне расскажи! Про права трудящихся, блин... Сейчас у трудящегося одно право, она же обязанность – работать, работать и работать, пока не крякнешь окончательно! А вообще-то с утра мы все в компьютер карту вставляем, и на экране напротив каждой фамилии время фиксируется, кто когда пришел. И нас даже не шеф штрафует, а напрямую программа, которая никакие извинения и оправдания не принимает. Первый раз за месяц символически, второй раз посильнее, а в третий, извини, лишают премии. Все, бегу! Даша, слушайся дедушку!

...«Вот так всегда, – с грустью подумал Плахин, глядя на закрывшуюся за дочерью дверь. – – Пара фраз с утра, и столько же вечером, когда она вернется. Устает она, видите ли... И зачем ей такая работа?»

Наташка работала педиатром в большой частной клинике, с неплохим окладом, и местом своим очень дорожила. Да и чему тут удивляться, сейчас все дорожат работой...

Туалет, ванная, кухня. Привычный маршрут для дедушки...

— Даша, там мне ещё хоть что-нибудь осталось? – спросил он, заходя. – А то голодный дед очень сердитый обычно, помнишь ведь?

— На! – внучка с гордостью подвинула ему огромную та-

релку, на которой лежали два крохотных блинчика. – Тебе ведь хватит? Не будешь сердиться?

— Конечно, не буду, – вздохнул он. – Ты-то хоть наелась?

— Кажется, да... – с сомнением сказала Даша. – До завтрака в садике как-нибудь дотерплю.

— Ну и хорошо, – кивнул Плахин. – Ты иди пока к себе, собирайся там... А я телевизор посмотрю.

По доброй, ещё советской традиции Плахин всегда смотрел за едой новости. Хотя Наташка регулярно предупреждала его, что это вредно, причем не только для пищеварения.

Наверное, она была права. Телевизор в последнее время крайне редко радовал граждан России. Хотя ведущие были по-прежнему безукоризненно красивы, со вкусом одеты, и говорили вполне себе грамотно.

А вот сами новости... Новости стали, как правило, скверные. То выскочит на встречную полосу автобус, под завязку забитый пассажирами... То сгорит очередной сельский домик с целой семьей... То опять где-нибудь что-нибудь потонет...

Но так уж устроен советский человек, что не может начать день, не посмотрев новости. А Плахин, несомненно, был советским человеком, о чем всегда и заявлял с уверенностью.

Хотя правильнее сказать не «был», а «стал». Так было ведь не всегда. Ещё лет десять назад никто и подумать бы не мог, что Сергей Плахин, успешный бизнесмен, муж жены-красавицы, вдруг вспомнит о том, что было давным-дав-

но. И, что совсем уж странно, искренне ухватится за это воспоминание, чувствуя в нем какую-то надежду, что ли...

Видимо, больше нигде ему было ее увидеть, эту надежду.

...Жизнь его, которая, несомненно, была куда удобнее и комфортнее, чем в годы его молодости, вдруг стала казаться скучной и пресной. Не случилось в ней никаких больших, ярких, да и просто хоть в какой-либо степени примечательных событий. Причем касалось это как его личной жизни, так и жизни всей большой страны.

И потому с такой теплотой он вспоминал то время, когда всё было по-другому. Другая страна, другое время. Другие новости, в которых говорили только про хорошее. И люди были другие. Советские...

А в чем, как вы думаете, главный признак советского человека?

В угрюмом взгляде?

Нет.

В вечном недовольстве властью?

Тоже нет! Это все следствия главного...

Потому что главное для советского человека – желание осчастливить весь остальной мир, хотя бы и за свой счет. И пусть даже этот самый остальной мир этого не хочет, и даже, подлец, активно противится, не понимая, в чем его счастье...

Вот поэтому-то и был угрюм советский человек, что не получалось у нашей страны ничего! Сколько сил потратили,

сколько народа положили, а счастья у мира как не было, так и нет. Даже страны своей ради этой великой цели не пожалели, а всё без толку.

Видимо, неправильно тогда расставили приоритеты. Надо было, наверно, сначала свой народ как-нибудь осчастливить, а потом уже браться за все прочие.

А так... Счастья, уж во всяком случае того, которого мы ждали, почему-то так ни у кого и не появилось. И если другой мир как-то без него обошелся, то сами мы были очень опечалены. Ведь верили мы в него! Ждали, надеялись... А счастье почему-то проходило где-то стороной. Иногда даже казалось, что вот оно, совсем уже рядом, рукой можно потрогать...

Но напрасно, видимо, казалось.

Одна радость, что помимо всеобщего, бывало ведь ещё и личное счастье... И каждый из нас, тех, кто жил хоть сколько-нибудь во времена СССР, может вспомнить, что были в его жизни и счастливые дни. И были они именно тогда, когда страна ещё была по-настоящему БОЛЬШОЙ! И хоть и было этих дней не так уж и много, но остались они в нашей памяти очень отчетливо. А она, наша память, так устроена, что мы уже и не помним, каким было тогда счастье – общим или только лишь нашим личным. Главное – что оно всё-таки было...

И самое главное – была тогда надежда! На то, что включим мы утром телевизор, а там жизнерадостный диктор сво-

им хорошо поставленным голосом объявит нам, что наконец наступило всеобщее счастье. И мы ему, конечно, поверим. Как в такое не поверить?

Но шли годы, а счастья так и не было. Хотя новости все всё ещё смотрели. По привычке, что ли. Ждали перемен!

Ну и, конечно, разговаривали с телевизором. Как же без этого...

22 декабря 2022 года. Выпуск новостей. (С комментариями С.Е.Плахина)

«Здравствуйте!

Президент России Всеволод Гуров находится с официальным визитом в Республике Лаос. Вчера вместе с президентом и премьер-министром этой страны он принял участие в закладке новой гидроэлектростанции на реке Меконг...»

— О, Господи! Куда же его занесло-то...

«В своей речи Президент России отметил, что отношения России и Лаоса всегда носили дружественный характер, а в последнее время вышли на новый уровень. В прошлом году товарооборот между нашими странами достиг...»

— Ну и что нам с того?

«В ответной речи Президент Лаоса господин ... сказал, что народ его страны очень ценит поддержку со стороны России. Новая электростанция, ввод которой намечен на 2027 год, не только обеспечит все потребности местной экономики, которая сейчас активно растет, но и позволит...»

— Лучше бы мост через Лену достроили...

«На торжественном приеме, который дал Президент Лаоса в честь своего высокого гостя, Президенту России была вручена высшая награда Республики Лаос – Орден Миллиона Слонов и Белого Зонтика...»

От неожиданности Плахин подавился глотком кофе. Такого он даже представить не мог...

«Эта значимая награда не вручалась уже более сорока лет. В прежние годы ее кавалерами были такие известные люди, как Президент Франции Шарль Де Голль, король Камбоджи Нородом Сианук...»

— И, конечно, наш дорогой и любимый Леонид Ильич...

«Всеволод Гуров первый из руководителей нашей страны, удостоенный этой высокой награды...»

— То есть даже Брежневу не дали! Вот дела!

«Наш президент горячо поблагодарил господина (неразборчиво) за почетную награду, сделав шутовское замечание:

« Вы знаете, миллион слонов – это очень много, и нам, наверное, столько даже не прокормить... Россия ведь холодная страна! Вот, к примеру, в моем родном городе, Санкт-Петербурге, в зоопарке уже давно нет этих замечательных животных. Уже второе поколение детей выросло, которое слона не видело!»

— Ну пусть они хоть слонами за нашу электростанцию расплатятся... Это сколько же их надо?

...– Деда, нам пора! – требовательно сказала Дашка, заходя в кухню. Нас тоже за опоздания ругают!

— Да, да, Дашенька, я иду. Засмотрелся тут на слонов разных, да на все прочее...

«Теперь о событиях в нашей стране. Председатель правительства провел сегодня заседание с членами Совета Министров. Обсуждался вопрос плановой вакцинации населения от гриппа и коронавируса. Министр здравоохранения ... доложила о ходе прививочной кампании в регионах...»

— Этого только не хватало! – буркнул Плахин, выключая телевизор. – Знаем мы эти прививки...

— А нам всем сделали! – гордо заявила Дашка. – Я почти не плакала!

— То есть как сделали? – изумился Плахин. – Я же вроде отказ написал! Или хотел написать...

Дашка пожалала плечами. Откуда я знаю, мол. Плахин только вздохнул.

— Так мы идем? Я уже оделась!

— Да. Да, конечно, идем, внученька. Я сейчас! А куда я свою шапку вчера положил, не помнишь?

— Так вот же она, на батарее висит!

— Вот спасибо! Что бы я без тебя делал-то... Так, ключи, пропуск, вроде все взяли... Идем!

Вот и день начался!

В садик они успели вовремя, как раз к завтраку.

— Ну всё, Даша, до вечера! – сказал Плахин вслед убегающей внучке. Ответа от неё он, как всегда, не услышал.

— Товарищи родители! – раздалось за спиной. – Напоминаю, что сегодня в семнадцать-ноль-ноль собрание. По поводу Нового года, подарков и прочего... Кто не придет, пусть потом не обижается!

...Зинаида Олеговна, Дашина воспитательница, Сергею откровенно не нравилась. Он бы с радостью ее поменял на кого-нибудь другого, но его мнением, к несчастью, никто не

интересовался. Впрочем, как и мнением других родителей. Мест в детских садах было мало, их сад считался очень даже приличным, и попасть в него было большой удачей. К тому же, он был совсем рядом с их домом на Пушкинской.

— Дедушка Плахин, вы у нас всё сдали? – каким-то подозревающим тоном спросила Зинаида Олеговна.

— Так ... Вроде бы всё! Сначала две с половиной, потом ещё три на дополнительные. Или ещё что-нибудь надо было?

— Ну хорошо... – с сомнением произнесла та. – Вечером, в семнадцать-ноль-ноль, запомнили? Будет важное обсуждение!

— Опять, что ли деньги с нас будут собирать? – возмущенно сказала полная мамочка, чьей фамилии Плахин не знал. – Безобразие! Куда вы их деваете, хотелось бы знать?

— Мама Заикина, с этим вопросом не ко мне, а к родительскому комитету, понятно? На собрание приходите, там вам разъяснят! И хамить не надо! Вас и так взяли сверх лимита, не забывают!

— Да я что... – как-то сразу смутилась полная мамочка. – Я просто спросила... Я ничего такого...

— Всё! – отрезала воспитательница. – Чтобы к пяти все были!

Из садика Сергей отправился домой. Особых дел у него не было. Занять свободное время, когда Наташка на работе, а Дашка в садике, для него всегда было проблемой.

Читать книги он не любил, смотреть сериалы было от-

кровенно скучно. Пробовал учить английский, который знал только в пределах школьной программы ещё советского времени, то есть, можно сказать, почти и не знал. Но не пошло как-то... Можно даже сказать, вообще не пошло.

Друзья... Друзья все куда-то разъехались. Пашка подался в Москву, у него там нашлась какая-то работа, кажется... Леха так и торчал у Федора в Тихой почти безвылазно.

Летом, если Наташке удавалось выпросить в своей клинике отпуск, они все втроем ездили отдыхать. Правда, только по России. Чтобы получить на Дашку загранпаспорт, надо было иметь согласие её папы, которого Сергей так ни разу и не видел. Наташка категорически отказывалась ему звонить, а нового папы у Даши пока не появилось. Впрочем, Наташка в последнее время на что-то такое многозначительно намекала, что, вот мол, скоро у нее все изменится... Ну, дай Бог ей счастья!

Он не любил об этом думать, но в глубине души он был даже рад, что пока у них всё по-старому. Представить, что Наташка с Дашкой куда-нибудь уедут, а его оставят в квартире одного, было невыносимо. Как, вообще, жить одному? Для кого? И для чего?

Можно, конечно, было попробовать найти какую-нибудь работу. Спокойную, не слишком тяжелую, пусть даже и плохо оплачиваемую. Но и с этим не вышло... Как-то он попробовал устроиться на биржу труда, и ему, изучив его трудовую книжку, сразу предложили должность заведующего складом

где-то на окраине города. Плахин, понятное дело, отказался. Слишком много неприятных воспоминаний осталось у него от работы на складе. К тому же деньги от Юли приходили исправно, и им их вполне хватало. Других предложений биржа ему не делала, видимо, там на него обиделись. Безработных мужиков предпенсионного возраста в Питере и без него было полно...

Ну, а чтобы не сидеть уж всё время одному дома, Сергей уходил гулять по городу. Но на беду, декабрь 2022 года выдался в северной столице на редкость теплым, дождливым и слякотным. Глобальное потепление, с которым отчаянно боролись все, кому не лень, явно одерживало верх. В прошлую зиму хоть снег был, хотя и немного. А сейчас Гидрометцентр обещал ту же самую погоду не только до конца года, но и на весь январь...

Несмотря на вроде бы благоприятные погодные условия, с уборкой улиц город явно не справлялся. Дворников-узбеков, которых и так осталось совсем немного после катавасии с коронавирусом, понемногу выживали, теперь уже в рамках программы по борьбе с нелегальной миграцией. Жителей города, желающих работать на их местах было катастрофически мало. Решить проблему хотели путем приобретения новой, прогрессивной техники, которая могла бы заменить людей. Но красивые немецкие машинки, торжественно закупленные администрацией города, потерпели позорное поражение в борьбе с дорожными ямами и солью, которую, ко-

нечно, никто не отменял.

Единственным итогом этого стало то, что солью дороги посыпать очередной раз запретили, и город окончательно погрузился в слякоть.

Самой практичной обувью в такую погоду всегда были резиновые сапоги, но Плахин упорно не хотел следовать логике, предпочитая им ботинки.

Ботинок, кстати, пришлось купить аж три пары, так как они не успевали просохнуть за ночь. Вот и те, что были на нем сейчас, уже промокли насквозь. А всего-то сходил до садика и обратно...

В общем, гулять нельзя, делать нечего, и оставалось только одно. Интернет, в котором Сергей и проводил все свое свободное время.

...Налив себе в огромную кружку крепкого сладкого чая, Плахин осторожно опустился в любимое кресло-качалку. Раскрыл ноутбук, и понеслось...

Самой популярной темой дня неожиданно оказались слоны. Оказывается, Президент этого самого Лаоса после шуточного заявления нашего всенародно избранного принял решение подарить Санкт-Петербургскому зоопарку сразу троих.

Слоны эти были ручные, всю свою жизнь они трудились в джунглях, катая туристов. Перед отлетом, как сообщали, Президент Гуров лично осмотрел животных, и заверил сво-

его лаосского коллегу, что в Петербурге слоны будут жить, что называется, по-человечески, о чем лично обещал позаботиться губернатор города.

Тема была богатая, и все записные остроусловы прошлись по ней основательно.

«Президент выпросил для себя слоников...»

«Наверное, президентским самолетом отправят...»

«Пока у нас построят слоновник, придется новых животных заказывать, эти точно не доживут...»

Здесь был тонкий намек на огромное количество незавершенных проектов, которые город по разным причинам так и не мог довести до ума.

В продолжение появился пост о том, что слонам, скорее всего, самим придется строить себе вольер, так что очень даже хорошо, что они уже дрессированные. Люди с окраин города выражали готовность принять слонов на время к себе, надеясь, что с их помощью удастся, наконец, достроить детские сады, школы, да и много чего ещё. Если опыт окажется удачным, говорили они, можно завезти в Россию ещё больше слонов. Может быть, они и есть те, кто спасут Россию?

Лишь изредка попадались слова благодарности далекой стране за дорогой подарок. Лайков под такими постами было совсем мало.

Губернатор города, смешной усатый человечек с хитры-

ми глазками, заявлял, что новый слоновник будет построен в рекордные сроки, и станет едва ли не лучшим в Европе...

Тема слонов плавно перетекла в тему электростанции, под которую Россия давала Лаосу огромный кредит. Два миллиарда долларов умножали по курсу, потом делили на количество граждан России:

«Получается, что каждый из нас выложил по тысяче рублей за очередной подарок непонятно кому! И это в то время, когда мост через Лену так и не готов!» – гневно восклицал известный оппозиционер. Лайков ему поставили предостаточно. О том, что кредит вернут, причем с процентами, а при этом наши заводы будут на пять лет вперед загружены работой, он, конечно, не упоминал.

Чтение комментариев в сети никогда не делало Плахина веселее, но и не читать их было уже невозможно. Слишком уж врос Интернет в его жизнь...

Одно его печалило – настоящих новостей, можно сказать, и не было. Как вчера и позавчера. Как и год, и два назад. Ну да, что-то постоянно в мире и стране происходило, но... По большому счету, мелочи какие-то. После Крыма, можно сказать, вообще ничего стоящего не было. А хотелось-то как! Вот бы, думал он, открыть ноутбук, а там – что-то удивительное, небывалое. Чтобы снова было интересно жить, как когда-то давным-давно. Вот бы здорово было!

Хотя нет, было ведь что-то подобное, когда кончился коронавирус... Да, весь мир полтора года был в панике! Люди в

немыслимых объемах закупали гречку, тушенку, туалетную бумагу. Потом, когда все кончилось, Плахины целый год до-едали эту гречку...

Впрочем, как и все остальные. А люди поначалу даже шутили, что никакого вируса в России на самом деле нет и никогда не было, а были учения по закупке продуктов жителями. Учения, как всегда, прошли успешно, так как условный противник, в роли которого выступили запасы продовольствия, был полностью сокрушен. А большие магазины, которые до того постоянно жаловались на трудности и даже планировали закрываться, вдруг снова стали прибыльными.

Потом, конечно, шутить перестали. У нас стало, как и везде. Карантины, ограничения, маски, штрафы. Ужас, одним словом!

И когда болезнь понемногу отступила, а потом и вовсе исчезла, люди искренне радовались, как будто победили в войне. И лишь спустя некоторое время у них появились вопросы... Во-первых, так и осталось неизвестным, откуда все-таки взялась болезнь, от которой умерли без малого два миллиона человек? Ведь летучие мыши, которых первоначально винили в этом, после тщательных исследований оказались, что называется, не при делах. А во-вторых, было непонятно, куда же так неожиданно пропал вирус, которому печально известные британские ученые пророчили чуть ли не вечную жизнь...

Странная, конечно, была история... Как же мы все уди-

вились, когда вдруг обнаружилось, что никто больше не болеет! Причем сразу во всех странах... Нет, остались конечно привычные грипп и ОРВИ, разные другие коронавирусы, но вот того самого девятнадцатого уже нигде не было... Исчез! Сначала все думали, что вирус как-то мутировал, спрятался куда-нибудь. Ещё некоторое время по привычке ждали каких-нибудь новых неприятностей... Ну а потом просто решили считать, что вирус был побежден совместными усилиями всех стран.

Да и забыли об этом...

Так что пока, от греха подальше, читаем те новости, что есть. Про слонов, про неубранный снег, про мелкие происшествия. Где какие скидки, куда поехать, как не заболеть гриппом...

На весь экран вдруг вылез яркий баннер – известный актер-юморист напоминал о необходимости своевременной вакцинации, заверяя всех, что недавно созванивался с Дедом-Морозом, который с гордостью сообщил, что недавно сделал прививку себе и своей Снегурочке, и теперь они принесут подарки только тем, кто в этом году вакцинировался. Дурь какая-то!

Хотя... Не знаю, как прививку, а вот перерыв надо бы сделать!

А ведь долго просидел, даже спина затекла. Вон, за окном уже светло давно. Пора обедать. Потом обратно в сеть... Так

вот.

Господи, неужели так и вся жизнь пройдет? Бессмысленно, бесцельно, бестолково? Или всё-таки ещё чего-нибудь ты для меня приготовил? Какое-нибудь чудо?

Хотя, наверное, хватит с меня чудес, подумал он. Страшно-новато как-то. Вон, Доктор тогда сказал, что Максим – настоящее чудо. И что потом случилось? Да, кстати... Максим! У него же как раз завтра должен был день рождения быть! Сколько бы тебе сейчас было? Уже одиннадцать... Бедный мой мальчик, как же жестоко с тобой обошлась судьба...

А может, это со мной? Со мной она жестоко обошлась? Обрела на никчемную, не нужную никому жизнь...

Да нет, нельзя так говорить. Дочь есть, умница и красавица... Внучка замечательная! Хорошо ведь всё!

Да, хорошо! Наверное... Вот только скучно очень! И Новый год не помогает. Не чувствуется праздника, совсем не чувствуется. Ну ни капельки!

Эх, мне бы собаку завести, вдруг подумал Сергей. Гуляли бы вместе... Да нет, нельзя нам. У Дашки вроде бы аллергия на них. В Наташкиной клинике сказали, что лет до десяти точно нельзя. Потом, может аллергия ослабнет, а может, и нет.

Тоска... Вот когда Дашка была маленькая, было легче. Всегда было занятие какое-нибудь. Стирать, гладить белье, в игрушки с внучкой играть, книжки читать. Вон она какая умная теперь! Даже писать умеет.

Это ведь Наташка настояла, чтобы Дашку в сад отдали. Пусть, говорит, учится жить в коллективе. А то потом в школе ох как тяжело ей придется. Вот они ее и отдали.

А дедушка теперь вроде как и не нужен совсем. Только отвести да привести внучку. И ещё чего-нибудь по мелочи...

Самой Даше в саду очень нравилось. Сад был хороший, определенно. И дети там подобрались приличные. Если не брать в расчет Зинаиду Олеговну, так можно было сказать, что это и есть тот самый идеальный детский сад, о котором мечтают все родители. Но должна же быть ложка дегтя в бочке меда...

Господи, она же сказала, что у нас собрание сегодня! Не пора ли?

Да нет, есть ещё время. Но надо потихоньку собираться. Ботинки вроде бы уже высохли...

А всё-таки, как же хочется чего-то другого! Большого красивого, яркого! Захватывающего! Всё-таки Новый же год наступает...

Плахин успел вовремя. Собрание проходило в актовом зале, где уже установили большую искусственную елку.

— Значит так, товарищи родители, бабушки и дедушки. Всем было сказано, но пришли почему-то раз... два... три... Восемь человек из двадцати четырех по списку... Печально, печально! Такое вот отношение у нас... Никому, получается, ничего не надо. Ладно! Времени у нас мало, так что сразу

по существу. Родительский комитет, давайте... – приказала Зинаида Олеговна.

Встала невысокая крепкая тетка в несуразной красной куртке.

— Друзья, по поводу денег... Хотя те, кто здесь, всё вроде бы сдали, – неуверенно произнесла она, оглядываясь на Зинаиду Олеговну.

— Давайте сразу ко второму вопросу, – недовольно сказала та.

— Второй вопрос касается Нового года. Собранных денег хватило только на подарки, вот тут у меня чеки... На приглашение артистов уже ничего не осталось. Самые дешевые Дед Мороз со Снегурочкой просят восемь тысяч за раз...

— Так, а почему только мы должны сдавать? – возмущенно сказала худая женщина из последнего ряда. – А другие группы? И вообще, сколько можно?

— Успокойтесь, мама Кондратьева! Никто с вас денег не требует, раз вам на своих детей жалко. Садитесь вы, я сама дальше скажу, – Зинаида Олеговна махнула рукой и тетка в красной куртке послушно села.

— Я, конечно, уже поняла, товарищи родители, что денег у вас нет. Причем постоянно! Даже непонятно, как вы живете вообще... Но Новый Год на носу! И у нас с вами есть два варианта. Или я на празднике зачитываю детям телеграмму о том, что у Деда Мороза много работы, и он просто прислал им подарки по почте...

— А ещё какой вариант? – робко спросил Плахин.

— А ещё, – Зинаида просто впилась в него глазами. – Специально для дедушки Плахина, кстати... Ещё мы с вами можем найти Деда Мороза среди своих! Если, конечно, он не откажется...

Все дружно обернулись к Сергею.

— Так... Я даже не знаю, – смутился он. – Я никогда... А, почему, собственно, я?

Вопрос был явно неуместный, потому что кроме него на собрании были одни женщины.

— То есть в принципе вы не против? – победно улыбнулась Зинаида Олеговна. – Прекрасно, прекрасно. А то так не хотелось лишать детей праздника! Кстати, о празднике. Мы первые по графику, двадцать шестого числа, утром. Это понедельник. У вас ведь никаких дел на этот день нет, я надеюсь?

Можно было, конечно, сказать, что именно в этот вот понедельник ну никак не получится. Но Сергей не хотел врать. Всё-таки у детей должен быть Новый год. Наверное...

Когда Плахин помогал Дашке одеваться, Зинаида Олеговна отозвала его в сторону.

...– Вы, пожалуйста, не пугайтесь раньше времени, Сергей Евгеньевич, – надо же, она даже его имя-отчество знает! И слово «пожалуйста»... – Ничего особо страшного вам не грозит. Вы нужны всего на двадцать минут, потом дети вас проводят, споют песенку и мы всех отпустим. Костюм Деда

Мороза мы вам дадим...

— А роль? Я же должен буду что-то выучить?

— Там всего ничего, десяток реплик... Вот вам сценарий, дома посмотрите. Снегурочку и Бабу Ягу будет играть Светлана Павловна из младшей группы, она вам в случае чего поможет, если вы слова забудете.

— Она их сразу обеих играет, что ли? – неумело пошутил Сергей.

— Зачем сразу? – искренне удивилась Зинаида Олеговна. – По очереди, конечно. Вы сценарий-то почитайте дома, порепетируйте перед зеркалом.

— А я... А я ещё могу отказаться? – робко спросил Сергей.

— Ну как вам не стыдно, Сергей Евгеньевич, – укоризненным тоном произнесла воспитательница. – Дети вам этого не простят! И не только дети...

Плахин только вздохнул. Ну что тут поделаешь?

Дома, покормив Дашку и усадив ее смотреть мультики, Плахин стал изучать сценарий.

Итак, Дед Мороз вместе со Снегурочкой несут детям новогодние подарки. Желая сделать Дедушке сюрприз, Снегурочка сбегает от него к детям, чтобы те подготовили ему достойную встречу. А чтобы Дедушка не волновался, оставляет ему записку.

Тем временем Баба Яга, которая по традиции всегда всем

мешает, насылает на мир злую выюгу. Из-за нее Дед Мороз блуждает где-то во тьме, не зная, как пройти к детям.

Снегурочка просит детей помочь – зажечь ёлку, чтобы Дед Мороз наконец понял, куда ему идти. Дети дружно кричат: «Ёлочка, гори!» На третий раз, как и положено, елка загорается. Дед Мороз видит ее, идет к детям и раздает подарки. Баба Яга из-за кулис просит прощения. Ей тоже дают подарок. Потом все вместе поют старую новогоднюю песенку. Занавес!

Больше всего Плахина поразил четкий хронометраж представления. Все действия были расписаны по секундам. Похоже было, что сценарий писал учитель математики. Или начальной военной подготовки. А может, даже сразу двое в соавторстве...

Ну что ж, не так уж и сложно. Да и чего не сделаешь ради детей!

Увлечшись чтением, он не заметил, как вернулась Наташка.

— Пап, я должна тебе сказать одну очень важную вещь! – торжественно заявила она прямо с порога.

— Я заинтригован, – рассеянно сказал Плахин. Он ещё не отошел от роли, которая ему, сказать по правде, даже начала нравиться.

— Пап... А можно, я тебя познакомлю с одним человеком? Ты ведь не против?

Сергей отложил сценарий.

— Что-то сегодня многовато сюрпризов... – понимающе улыбнулся он. – Ты что, замуж собираешься?

— Ну, я... – Наташка явно смутилась. – В общем, если бы он мне сделал предложение, я бы, наверное, согласилась. Скорее всего... Только сейчас так сразу не принято. Поживем так сперва, если ты не против.

— У нас? – изумился Плахин.

— Почему сразу у нас... Можно и у него.

Сергей тяжело вздохнул. Что ж, когда-нибудь это должно было случиться...

— Ты ведь не против? – спросила она с надеждой.

— А Дашка как? Она его хоть видела?

— Вот и увидит! Так я его позову к нам? Познакомимся, посидим вместе... Он хороший, честное слово!

— Ладно уж. Как говорится, не стой на пути у высоких чувств... И когда его ждать?

— В субботу вечером! Я тебя люблю, папа!

Она крепко обняла его.

— Так надо же купить там чего-нибудь... Продуктов, вина, шампанского.

— Нет-нет, не надо. Мы все сами закажем, нам привезут ко времени. Не волнуйся!

«Мы... – подумал Сергей. – Кажется, ты всерьез влюбилась, моя девочка... Только бы не ошибиться тебе!»

— А как его хоть зовут-то? И кто он вообще?

— Арсений – очень хороший доктор, невролог.

— Ну, хоть не старый?

— Старый, конечно! На два года меня старше! – улыбнулась дочь. – Почти, как ты! Он, кстати, даже на тебя чем-то похож.

«Сказать по правде, это меня как раз не очень-то радует... Я-то хорошо помню, каким был в тридцать лет!» – подумал Плахин.

Но вслух сказал, конечно, совсем другое:

— Дай Бог тебе счастья, доченька...

Глава вторая. Странствия начинающего Деда Мороза.

Пятница, 23 декабря 2022 года

Назавтра, в пятницу, Плахин с гордостью объявил Зинаиде Олеговне, что полностью выучил роль и готов сыграть Деда Мороза хоть сегодня. Та ему даже улыбнулась:

— Вот и славненько... А то я, общаясь с некоторыми родителями, уже начала терять веру в человечество, как говорится. Но сегодня не надо! Ещё рано. Вы, главное, не перегорите, со своим энтузиазмом-то...

В общем, жизнь неожиданно обрела смысл. Даже обидно было, что сыграть такую важную роль надо будет всего один раз.

Но делать нечего, надо ждать ещё три дня. Будем ждать... А что там у нас новенького в Интернете?

«...Новость последних минут. Глава Всемирного допингового агентства вновь сообщил о выявленных многочисленных нарушениях у российских спортсменов. Поводом для такого заявления стал новый документальный фильм Зеппа Хайфельта, недавно показанный по немецкому телевидению. А вот что в интервью сказал сам скандально извест-

ный немецкий журналист:

«Сейчас я приступаю к работе над новой темой – проблемой допинга в российском футболе. Не буду раскрывать подробности, но обещаю, что мой новый фильм будет настоящей сенсацией. Весь мир, наконец, узнает правду...»

Тема допинга по-прежнему была крайне болезненной. Нас уже лишили двух зимних и одной летней олимпиады, да ещё и кучи других турниров во всех видах спорта. Хотя наши чиновники всегда уверяли, что российские спортсмены едва ли не самые чистые в мире... И, хотя они нехотя признавали, что раньше, может быть, что-то такое у нас и было, но тут же немедленно заявляли, что сейчас всё уже точно в полном порядке.

Только наших чиновников уже никто не слушал. Зачем, если есть Зепп Хайфельт...

Справедливости ради, все давно поняли, что санкции с нас никогда не снимут. И не потому, что в России не могут без допинга. Просто мы многим мешаем... Вот и пытаются нас пнуть побольнее.

«...Российская крылатая ракета «Буревестник» с ядерным двигателем совершила второй успешный полет. После запуска с полигона в Архангельской области она преодолела одиннадцать тысяч километров и произвела посадку в штатном режиме на полигоне Кура на Камчатке...»

Вот, супостаты, вам наш ответ на санкции! Трепещите, блин...

Одно только беспокоит... А что, если бы она не долетела? Упала по дороге, к примеру... Что бы при этом было с ее ядерным двигателем? Да и потом, что означает «посадка в штатном режиме»? Какой там должен режим посадки у крылатой ракеты? Сейчас узнаем! Окей, Гугл, ...

Интернет с готовностью показал мощные взрывы, которыми и должна сопровождаться штатная посадка крылатой ракеты, наконец долетевшей по назначению. Весело там, наверное, сейчас на Камчатке...

Впрочем, если бы что-то пошло не так, Интернет бы уже вовсю смаковал подробности. А так, кроме официальной информации, ничего нет. Даже на украинских сайтах тишина. Уж эти бы своего не упустили!

...Сама Украина понемногу пустела. После эпидемии коронавируса закрывались последние заводы, молодежь почти вся уезжала в Европу, где оказывалась примерно в том же положении, что и дворники-узбеки в России. После нескольких подрывов газопроводов полностью был прекращен транзит российского газа. Денег в несчастной стране было совсем мало, а последний транш от МВФ почти полностью ушел на строительство стены на границе с Новороссией. Одно хорошо, стрелять в наших они все же перестали...

Зато все больше стреляли друг в друга. Разудалые атама-

ны делили несчастную страну на части, превращая ее в какое-то подобие Сомали в самом центре Европы. Молодой президент, справедливо опасаясь за свою жизнь, почти не покидал своего дворца, окруженного тройным кольцом обороны, причем охраняла его не армия и не полиция, а две роты французского Иностранного Легиона, присланные лично Президентом Франции.

Российских журналистов из Киева выгнали всех, поэтому о том, что там происходит, приходилось узнавать от иностранцев. Но и по их, по-прежнему весьма смягченным и политкорректным комментариям, становилось понятно, что там, мягко говоря, не очень... И цены взлетели, и тепла в квартирах с осени так и не появилось, и полиция бездействует.

Жалко их, вдруг подумал Плахин. Хотели, блин, чего-то большого, красивого, яркого... А получили гражданскую войну и разруху. Вот зачем они так?

Ответ на этот вопрос так никто и не нашел. Один украинский историк предложил странную теорию, объясняющую все проблемы его страны каким-то древним проклятием, лежащим на этих землях. Он, дескать, отыскал в древней летописи, что первые киевские князья Аскольд и Дир перед смертью от руки Вещего Олега прокляли свой народ, который отказался их защищать, что и стало причиной всех последующих бед. Теория была интересной, особенно в свете того, что Вещий Олег, как известно, пришел с Новгорода, то есть

со стороны нынешней России. И, понятное дело, теперь все украинцы были уверены, что пришел он тогда с единственной коварной целью задавить первые робкие ростки украинской независимости...

Однако, что делать сейчас, эта теория тоже не объясняла.

«...Губернатор Санкт-Петербурга осмотрел площадку, на которой будет возведен новый слоновник.

Алексей Ходаков дал распоряжения, чтобы все согласования были произведены в кратчайшие сроки. Начать строительство планируется уже в январе, а увидеть слонов петербуржцы должны уже ко Дню города, то есть 27 мая 2023 года. Губернатор напомнил, что следующий год будет юбилейным для Санкт-Петербурга, поэтому город приложит все силы...»

...Это уже интересно! Построить такое сооружение всего за полгода... Даже быстрее, всего за пять месяцев! Ну, не знаю, не знаю... Вон, стадион сколько времени строили! И ещё сколько потом доделывали...

Впрочем, слоновник все-таки должен быть поменьше, чем стадион. Хотя кто его знает!

Так, а вот это ещё интереснее:

«Пресс-секретарь Президента России заявил, что ввиду напряженного рабочего графика Всеволода Гурова традици-

онная встреча с журналистами, намеченная на 26 декабря, переносится на январь будущего года...»

Любопытно... Что это вдруг так напрягло нашего всенародно избранного? Ведь пресс-конференцию должны были как-то заранее спланировать... Или нет?

Ладно, им там лучше знать.

С этой безусловно правильной мыслью Плахин закрыл ноутбук. Пора обедать! Там Наташка, кажется, борщ вчера вечером варила...

Да, кстати! Как же я забыл-то?

А кто, интересно, этот самый Арсений, с которым Наташка так хочет его познакомить?

Посмотрим.

Плахин быстро нашел сайт Наташкиной клиники. Так, вот невропатологи. А вот, похоже, и он:

«Гордеев Арсений Николаевич, к.м.н., врач высшей категории».

С типовой фотографии на него смотрел самый обычный мужчина. Аккуратно подстриженная бородка, усики. В целом, можно сказать, что и симпатичный. Вот только лысый... Совсем лысый, вон как голова сверкает. И ещё... Чего там Наташка говорила? Что они с ним похожи? Да нет, глупости... Вовсе он на меня не похож! Хотя, если представить его с короткой стрижкой... Потом сбрить усы и бороду... Тогда, может быть, будет и похож. А сейчас трудно сказать.

Сам Сергей всегда очень переживал, что растерял за прожитые годы значительную часть своих волос. И совсем лысые люди были ему поэтому неприятны.

«Все девушки любят умных и добрых, и не любят маленьких и лысых», – вдруг вспомнил Плахин. Ну да, ну да... Только не бывает ведь правил без исключений. К тому же, когда девушке почти тридцать лет, она, как правило, уже не так привередлива.

А вообще, чего я к нему придираюсь? Вот ведь написано, кандидат наук, врач высшей категории... Наверное, умный, начитанный. Детей, наверное, любит.

А что ещё, интересно, он любит?

Плахин открыл Контакт. Поиск...

Так, Гордеев Арсений Николаевич. Показать все результаты...

«Люди – 22»

Уточняем. Россия, Санкт-Петербург...

Всего двое. Один шестьдесят третьего года, другой две тысячи шестого. Не те.

Плахин на всякий случай добросовестно просмотрел все двадцать два профиля. Вдруг кто-то перепутал свой год рождения?

Нет...

Как-то странно. Сейчас ведь все, вроде бы, имеют страничку Вконтакте. А платный врач тем более должен, надо ведь как-то себя рекламировать. Ну, разместил бы хотя бы

пару-тройку фотографий. На природе там, возле машины, с какой-нибудь собачкой...

Хотя бывают ведь люди, которые Контакт не признают из принципа. Но такие, как правило, есть на Фейсбуке. Ладно, посмотрим там...

Тоже ничего. Как и в почти уже мертвых Одноклассниках. Интересно! Поищем, есть ли про него вообще хоть что-нибудь?

Слава Богу, хоть отзывы есть на сайте клиники. Оценка пять... Хороший, внимательный доктор... Вежливый, аккуратный... Нам с сыном очень понравился...

Кажется, я всё-таки зря его в чем-то подозреваю, решил Плахин. Ну не хочет человек лезть в соцсети, выставлять себя напоказ... Что в этом плохого?

О, а я опять засиделся. Уже пять часов! Пора в садик, за Дашкой. Вот и ещё один день прошел...

Глава третья. Перед рождеством...

Суббота, 24 декабря 2022 года

Знакомство с Арсением назначили на два часа.

К своему удивлению, Плахин вдруг очень разволновался. Все-таки ведь не каждый день выдаешь единственную дочь замуж.

Ах да, Наташка же несколько раз предупреждала – о браке речь пока не идет. Странно, конечно. А с другой стороны, сейчас масса людей так и живут годами нерасписанными, и даже детей растят. Свобода!

Да по большому счету это ведь не главное. Лишь бы она была счастлива! А будет ли у нее при этом штамп в паспорте, дело, как говорится десятое...

И, казалось бы, нервничать полагается тому, кто придет свататься. Тогда почему у него, строгого отца, сердце колотится так, что вот-вот выскочит? Даже корвалол пришлось выпить...

К счастью, помогло.

Втроем накрыли на стол, поставили посуду. И сели ждать.

...Арсений пришел ровно ко времени. С цветами, огромным тортом из «Севера» и большой куклой для Дашки.

Так и есть, полностью лысый, с ухоженными усами и бородачкой. Пижонское длинное бежевое пальто, костюм, гал-

стук. Безукоризненно вычищенные ботинки. Но и вправду совсем невысокий! Когда он разулся, Плахину стало казаться, что Наташка даже выше него. Да точно, выше. На полголовы минимум! Впрочем, Наташка ведь была на каблуках, встречала дорогого гостя при полном параде.

Но хотя бы он был не толстый, уже хорошо. Плахин отчего-то не любил и толстых людей тоже.

Пожали друг другу руки, представились. Сели за стол. Разлили по бокалам шампанское.

...Уже через пять минут раз говора стало понятно, чем именно этот, в общем-то, самый обыкновенный человек зацепил Наташку. Потому что и сам Плахин был совершенно очарован гостем. Арсений без умолку говорил, сам смеялся своим шуткам, с упоением рассказывал разные смешные случаи из своей жизни.

Наташка смотрела на него, не отрываясь. Да и Сергей тоже. Только Дашка увлеченно возилась со своим подарком.

...– Вы понимаете, я ему говорю – у вас все в порядке! А он ни в какую – пока мне рецепт на какие-нибудь таблетки не выпишете, не уйду! Так я ему рецепт на аскорбиновую кислоту выписал, причем нарочно писал крайне неразборчивым почерком, чтобы он не прочитал ненароком!

— А что такое аскорбиновая кислота? – улыбаясь, спросил Плахин.

— Так... Это же витамин, самый простой! Вы разве не знаете, Сергей Евгеньевич?

Сергей смущенно пожал плечами. Мол, я же не доктор, откуда мне знать...

— А вот ещё случай был! Меня в командировку послали, в Воронеж. А там в гостинице...

— Арсений... – осторожно сказала Наташка. – Ты ничего не забыл?

– А! – гость хлопнул себя по лбу. – Конечно, забыл! Нам же идти нужно! Сергей Евгеньевич, можно я у вас сегодня украду вашу дочь? Не бойтесь, не насовсем! Вечером я ее обязательно верну!

– А торт как же? – недоуменно спросил Плахин.

– Так Даша тебе поможет. Да ведь, доченька? – спросила Наташка.

Дашка с готовностью кивнула, продолжая вертеть в руках куклу.

– Пап, а мы в театр собрались, – сияя, добавила Наташка. – В Мариинке сегодня Россини дают. «Севильский цирюльник». Арсений очень любит классику! И я, кажется, тоже... Пап, ты ведь побудешь с Дашкой?

– Так... Конечно, побуду. О чем разговор? К тому же мы ведь не одни. У нас же торт!

– Спасибо, папа! – Дочь подошла к нему, обняла...

– Ну как он тебе? – спросила она шепотом. – Понравился?!

– По-моему, хороший... Но главное, что он тебе нравится, доча! – шепнул он в ответ.

Арсений их, конечно, не услышал.

– Да, кстати, Сергей Евгеньевич... – вдруг сказал он. – А почему у вас елки нет? Новый Год же!

– Мы обычно искусственную ставим, – ответила за отца Наташка. – А то иголки потом насыплются...

– Ну и что, что насыплются? Нет, елка обязательно должна быть настоящая, с запахом! Это и для здоровья полезно. Я вам это как врач заявляю!

– Ну, может мы купим потом... – неуверенно сказала дочь, глядя на Плахина. – Да, папа? Ты сходишь?

– Да не надо никуда ходить! – перебил Арсений. – Сейчас все можно на дом заказать! Я тут как раз одно приложение скачал... Сейчас... Вот, Али-Хоум-Экспресс... Елка новогодняя, высота полтора метра... Заказать... Вот и всё! Сегодня и привезут сразу!

– Так быстро? Это же вроде китайский магазин...

– Ну да, китайский. Но склад у нас тут, в Петербурге. Вот уже и подтверждение прислали! Сегодня до двадцати двух ноль-ноль подвезут.

– А сколько она, простите... – спросил Сергей.

– Сергей Евгеньевич, – укоризненно произнес Арсений. – Я вообще-то хотел сделать вам подарок. Новый Год же! Надеюсь, вы ведь не возражаете? Тем более, у них сегодня ещё и акция какая-то... Вы только побудьте дома сегодня до десяти вечера, ладно?

– Конечно, конечно... Спасибо!

На том и расстались.

«Вот так она и уйдет... – подумал Плахин, глядя в закрывающуюся за ними дверь. – А я останусь один. С елкой... А что делать?»

Впрочем, что ему делать, снова решили без него.

– Деда! – требовательно сказала Дашка. – Пойдем со мной! Помоги Лизу одеть, у меня что-то не получается!

– Лизу? Это твоя кукла, что ли?

– Да!

– А зачем же ты ее раздела? Хотя ладно... Уже иду, внученька!

Как же быстро зимой кончается день! Пока одевали куклу, пили чай с тортом, да решали, какой посмотреть мультфильм, уже и стемнело почти. Жалко, конечно, что надо сидеть дома и ждать эту несчастную елку. Если бы не это, можно было бы погулять куда-нибудь с Дашкой сходить. Хотя бы на часик! Сегодня ведь хоть погода нормальная...

А с другой стороны, не так уж и хочется куда-то уходить. Дома так хорошо! Да и у Дашки есть дело на весь вечер. Так что сидим, ждем елку...

Отправив внучку играть с куклой, Сергей налил себе ещё чаю.

Потом включил телевизор, но там по всем каналам передавали какие-то странные ток-шоу с крикливыми ведущими. Смотреть такое он никогда не любил, так что телевизор

пришлось выключить.

И ноутбук сел, как назло. Так что оставалось только одно. ...Из окон его квартиры был хорошо виден маленький, уютный памятник Пушкину, который, собственно, и дал название их улице. И Плахин очень любил на него смотреть.

Сколько он себя помнил, Пушкин всегда был рядом с ним. Был тогда, когда совсем ещё маленький Сережа сидел в коляске... И чуть позже, когда Сережа подрос, выучил буквы и пытался прочесть надпись на его постаменте. И потом, когда они с Машей сидели в его скверике, строили планы на жизнь...

Сергей уходил и возвращался, а Пушкин так и стоял на своем месте. Как что-то незыблемое, неизменное. Он всегда был здесь. Как будто бы ждал его, Сергея Плахина, ждал, как старого друга! И вот наконец дождался...

Сергей и сам не понял, как вышло, что теперь бронзовый Пушкин незаметно стал для него самым любимым собеседником. И хотя он всегда стоял к нему спиной, Сергею казалось, что он уже не один сидит на своей крохотной кухне, а советуется с умным и добрым товарищем, который никуда не уйдет, пока не выслушает тебя. А когда становилось уж совсем тяжело, Сергей спускался вниз, садился на скамеечку напротив него, и шепотом, чтобы никто не услышал, рассказывал поэту про свою беду. И всегда после этого ему становилось легче...

Ну да, кому же ещё рассказывать одинокому человеку про

свои неприятности? Мама с папой давно уже нет, друзей тоже. Детей грузить своими проблемами? Не хочется как-то... У них и своих забот хватает...

Жаль только, что Пушкин никогда не мог ему ничего ответить... Хотя, может это и к лучшему. Вдруг бы сказал Александр Сергеевич Сергею Евгеньевичу чего-нибудь обидное, поссорились бы. Ещё бы и на дуэль вызвал... С кем тогда на кухне посидишь?

Только с телевизором. Тоска...

А Наташка вот пошла в театр! Надо же... Никогда Плахин не замечал у дочери любви к классической музыке. Тем более, к опере. Да он и сам не очень-то привечал ретро. Сейчас ведь новое время, и хочется как-то ему соответствовать.

Хотя, сказать со совести, та музыка, которую любил Сергей, считалась уже тоже своего рода классикой. АББА, например. Или Эйс-оф-Бейс... Но он так почему-то не думал. Не хотел думать! Трудно смириться с тем, что музыка твоей молодости безвозвратно ушла в прошлое...

Впрочем, некоторые так ведь и не смирились... Вон, как популярны сейчас «Дискотеки восьмидесятых!»

Как же не хочется нам отпускать свою молодость! Спроси любого – хочешь туда? Чтобы ещё раз увидеть друзей, когда они ещё были друзьями, услышать в первый раз свои любимые песни, признаться наконец в любви той девушке, с которой каждое утро встречался в трамвае, но так и не решился заговорить...

Разве хоть кто-нибудь от такого откажется?

Хотя можно ведь и о другом вспомнить.

...Когда-то очень давно, классе в шестом ещё, мама послала его в Елисеевский магазин за колбасой. Повезло, колбаса была, причем какая-то хорошая, по два-девятьюсто за килограмм. И очередь за ней была тоже хорошая... Огромная человеческая змея кольцами извивалась по магазину, высунув наружу свой хвост через его роскошную дверь. В эту очередь и встал тогда полный радостного предвкушения Сережа Плахин, простоял в ней полтора часа, глотая слюнки, а за три человека до него колбаса кончилась.

Блин, сколько лет прошло, а до сих пор обидно!

А как страшно было уходить в армию! Можно ведь было и в Афган угодить. Про него тогда чего только не рассказывали...

Но с армией, можно сказать, ему повезло. Ну да, досталось, конечно, по первому году, но, по правде сказать, совсем немного досталось. Хотя все равно, армия – штука малоприятная.

В такую молодость возвращаться уж точно не хочется!

А вдруг... Вдруг всё-таки есть какая-нибудь возможность заново прожить свою жизнь, только по-другому? Правильно! Без ошибок, без глупостей, без безрассудных поступков?

Например, пойти тогда за колбасой на пятнадцать минут раньше... Поступить в институт с военной кафедрой... А ещё лучше, в Речное училище, как Витька с параллельного

класса... Да, Витька, кажется... А как его фамилия была? Не помню... Помню только, как он все хвастался, что они летом на полтора месяца в Кронштадт ездили, слегка побегали-постреляли, и им всем военные билеты дали.

Так, наверное, было бы лучше. Только вот зачем? Все равно бы все пришло к общему знаменателю. К тесной маминой квартирке на Пушкинской, в которой он скоро останется совсем один, не считая памятника за окном. И будет жить бесцельно и бессмысленно, потому что поздно уже братья за что-то новое, а старого... Старого у него, по сути дела, нет. Все растворилось во времени.

Но для чего-то я тут все-таки живу? Должен же быть у моей жизни хоть какой-нибудь смысл?

Эх, как бы это узнать... Чтобы вот зазвонил телефон, и мне бы кто-то сказал: «Сергей Евгеньевич, а живете вы вот для вот этого...»

Звонок в дверь раздался так неожиданно, что Сергей вздрогнул.

– Елка! – крикнула Дашка, выбегая из комнаты. – Елку привезли!

Да, да, внученька. Я сейчас! Сейчас посмотрю...

Открыв дверь, Плахин сперва увидел только елку, которая почему-то ровно стояла прямо посреди лестничной площадки. Елка была аккуратно замотана в мелкую сеточку.

Но затем елка слегка качнулась и из-за нее показался крошечный смуглый и узкоглазый человечек в красном колпачке с белым помпоном. Одной рукой он придерживал елку, а в другой держал электронный планшет с выключенным экраном.

Прямо рождественский гном какой-то. Но в современном варианте, конечно...

Не говоря ни слова, гном повернул планшет к Плахину, ловко нажав свободным пальцем на центральную кнопку.

На экране появилась миловидная китаянка.

«Здравствуйте, дорогой клиент! – произнесла она на вполне себе неплохом русском. – Наша компания глубоко благодарит вас за ваш заказ. Мы надеемся, что вы оцените наш товар, и станете нашим постоянным клиентом. Компания Али Хоум Экспресс желает вам Счастливого Рождества!»

Плахин улыбнулся. Такого он ещё не видел.

Дослушав запись, человечек поднес планшет к себе, что-то тихо проговорил в него, и снова повернул экраном к Сергею.

«Вы заказали у нас товар ель рождественское дерево Магия пять футов стоимостью 3999 рублей. Пожалуйста проверьте внешний вид и комплектность товара» – смешно путая падежи, проговорила китаянка с экрана.

«Так это просто такая программа-переводчик! – догадался Плахин. – Остроумно!»

– Да, я заказал это. Все в порядке! – сказал он, указывая на елку.

Гном зачем-то постучал пальцем по планшету. А, понятно, сказать надо прямо в него. Как окей, Гугл...

Плахин подошел к нему поближе и повторил снова прямо в экран.

Планшет перевел его слова на какой-то странный скрежещуще-лающий язык. Выслушав, человечек натянуто улыбнулся, и в свою очередь сказал в экран что-то ещё.

«Мы очень рады, что вы удовлетворены покупкой. Сегодня у нас проходит уникальная акция – вы за ту же цену получаете ещё и второй товар ель рождественское дерево Магия два фута бесплатно,» – добросовестно перевела китаянка.

Человечек ловко повернул елку, и Плахин увидел, что сзади к ней прикреплена ещё одна маленькая елочка в отдельной сеточке.

Сергей хотел сказать, что вторая елка ему вроде как не нужна, но планшет его опередил:

«Вы можете использовать ее сами, или подарить друзьям!» – закончила девушка с экрана.

Где те друзья, однако... Хотя не принято ведь у нас обычно отказываться от подарков.

Не зная, что сказать, Плахин только пожал плечами.

Гном, по видимому, принял этот жест как согласие.

«Пожалуйста, подпишите, что вы готовы принять заказан-

ный вами товар ель рождественское дерево магия пять футов и подарок!» – сказала девушка и пропала. Вместо нее на экране появился текст с большой зеленой стрелкой, указывающей на слово «Signature» внизу.

Текст был, что странно, полностью на английском. «Fit Christmas tree Magic 5 feet plus gift» – прочитал Сергей в центре. Ну, это даже мне понятно... Вроде все верно. А как подписывать-то?

Плахин вопросительно посмотрел на человечка. Тот, все так же натянуто улыбаясь, показал ему указательный палец, покрутив им в воздухе.

Ах, вот как это теперь делается... Ну да, зато бумагу сэкономить можно.

Он размашисто расписался, с удовольствием глядя на свой автограф, оставшийся на экране.

Посмотрев на экран, человечек протянул ему елку. Плахин осторожно взял ее, чтобы не уколоться, и был очень удивлен, что иголки на ней какие-то мягкие, словно бы это была вовсе и не елка, а какая-нибудь лиственница. Так вот, наверно, почему они называют ее «Магия»...

Гном слегка поклонился и пошел вниз по лестнице.

Ну вот и всё! Можем заносить!

Открыв дверь, Сергей неожиданно услышал за спиной голос девушки из планшета:

«И помните, что в Рождество всегда случаются чудеса! До свидания!»

Плахин обернулся. Человечек был уже этажом ниже. Сняв с головы свой смешной колпачок, он совсем перестал быть похожим на гнома. Стал просто ещё одним разнорабочим из далекой южной страны, на которых уже давно никто не обращал внимания.

Хотя кто его знает, какие они на самом деле, эти гномы...

«Да, похоже, сегодня у меня настоящее Рождество! – подумал Сергей, рассматривая елку – подарок Арсения. – Как и положено празднику, с гномом, волшебством и подарком. А я ведь и забыл! Хотя раньше я всегда помнил про Рождество...»

Конечно, помнил. Только было это очень давно. Словно бы в прошлой жизни! Или даже в позапрошлой...

Тогда у него было Дело. Именно так, с большой буквы. Потому что ничего у него не было в жизни, кроме тех пяти больших магазинов с детскими товарами.

...Двадцатого декабря, накануне, Плахин лично объезжал их все. Хвалил, если все было как надо, но чаще устраивал разносы заведующим за то, что было, по его мнению, неправильно. Если не так, к примеру, висели гирлянды, или не там стояли товары со скидкой, не так радостно улыбались продавцы. Потому что входя в его магазины, все, и дети, и родители должны были почувствовать праздник!

Ну да, наше Рождество вообще-то празднуют гораздо позже, уже в январе. Но Плахин тогда нашел идеальный, по его

мнению, выход – отмечать оба праздника. И всем это нравилось...

Вспоминать о том, как все это потом в одночасье исчезло, Плахин не любил. Но в последнее время почему-то вспоминал все чаще и чаще.

Так что очень хорошо, что сразу за дверью стояла Дашка.

– Деда! Смотри, нам привезли сразу две елочки! Ты знаешь?

– Да, Даша, знаю...

– Давай так – тебе большую, а мне маленькую? Ладно?

– Нет... Лучше мне маленькую, а вам с мамой большую.

У вас ведь и комната больше...

– Ну давай так! А наряжать их когда будем?

– Наряжать? Будем наряжать, конечно. Но не сейчас. Позже будем, к Новому году поближе. Игрушки ещё найти надо. Кажется, они где-то на антресолях лежали... А пока для наших елок надо найти место попрохладнее!

– Так за окно! – подсказала Дашка. – Там сейчас холодно!

– Ну да, за окно... Куда же ещё?

За окном все было по-прежнему. Улица, заставленная машинами, слякоть на тротуарах... И Пушкин в маленьком скверике.

...«Мы ненадолго, – зачем-то прошептал Плахин, осторожно вывешивая елки. – Вы ведь не обидитесь на нас, Алек-

сандр Сергеевич?»

Памятник, как и всегда, промолчал. Будем считать, что все в порядке.

Дальше все было, как обычно. В девять вечера, несмотря на активные возражения, уложил Дашку спать, почитав ей сказку про Муми-троллей (обычно Дашка засыпала уже на второй странице), затем пошел на кухню смотреть телевизор.

Программа «Время» как раз закончилась, уступив место очередному патриотическому фильму. Странно, обычно ведь по выходным давали какой-нибудь концерт.

Ах да, у нас же сейчас пост...

Ладно, а что там по другим каналам?

Показывали какие-то бесконечные сериалы: на пятом – про ментов, по «России» – про несчастную любовь. НТВ Плахин принципиально не смотрел, это было чересчур даже для него. Что там дальше... Культура, потом Россия 24... Ну да, грузопоток по Крымскому мосту превысил прошлогодние показатели на... Очень хорошо, просто прекрасно, можно сказать... Только нам-то что с этого? Дальше идем. СТС, Шрек-2... Господи, сколько же можно! Когда-то Плахин и сам очень любил мультфильмы про смешного зеленого великана, но теперь их показывали на этом канале почти нон-стоп, даже Дашка их уже наизусть выучила.

Может, что другое найдется?

Но дальше шли религиозные каналы, их он почти никогда

не смотрел. Понятно, на них постоянно была какая-то унылая говорильня. Вот и сейчас тоже...

Сергей машинально переключил дальше...

Хотя... Пойдите-ка! Какое-то знакомое лицо мелькнуло, надо бы проверить...

Не может быть! Это же Пашка!

Да, он самый! Вот и табличка перед ним. Вальков Павел Петрович, историк. Так что никаких сомнений. Наш Пашка выступает по телевизору. Надо же, как жизнь-то изменилась! Ну что ж, Пашку мы, конечно, послушаем...

Обидно, что в тот самый момент, когда Плахин вознамерился послушать друга, ведущий жизнерадостно объявил о том, что наступило время короткой рекламы. Картинка сразу сменилась. Теперь на экране довольная полная женщина стала рассказывать о том, как она счастлива от того, что недавно купила какую-то удивительно хорошую сковородку, призывая всех немедленно последовать ее примеру.

Вопреки заверению ведущего реклама оказалась очень длинной. Но всё-таки закончилась.

...Передача называлась «Беседа с неверующим». На нее обычно приглашали двоих участников – какого-нибудь известного светского человека, который открыто заявлял о своем атеизме, и матерого священника. Целью было если не переубедить неверующего гостя, то хотя бы показать полную его несостоятельность. Поскольку канал был религиозный, ведущий аккуратнo, чтобы не вызвать никаких подозрений

в предвзятости, поддерживал священника. Гостей для программы тщательно подбирали, скандалы в эфире были исключены по определению. Это же не НТВ!

...Павел, конечно, очень изменился. Отличный костюм, зачесанные назад волосы, уверенный насмешливый взгляд. Он как будто даже моложе стал! Ну да, и живот, за который его ещё в школе дразнили, куда-то делся. Чудеса какие-то! Таким он никогда не был, сколько Сергей его помнил.

В оппонентах у Павла был моложавый голубоглазый священник с длинной светлой бородой, расчесанной на две стороны. Личность, широко известная в узких кругах, как говорится. Несмотря на его привычную улыбку, было заметно, что он явно нервничает.

«Тогда скажите-ка мне вот что, любезный Павел Петрович, – каким-то неприятным высоким голосом, растягивая слова, спросил он. – Отношение ваше к нашей церкви мы выяснили... А Бога вы, видимо, тоже отрицаете?»

Но что ответил Пашка, Плахин уже не услышал. Потому что Наташка, наконец, вернулась из театра. Вся довольная, сияющая... Она без умолку говорила, как ей все понравилось, какой красивый был театр, и какой Арсений на самом деле замечательный человек...

– А ты что про него думаешь? – вдруг спросила она.

– Доча, ты бы потише все-таки. Дашка же спит уже. А про него... Ты же меня уже спрашивала, вроде... Я ведь сказал, что, наверное, хороший.

– Очень, очень хороший! И Дашка ему понравилась! И ты... Ты ведь не против?

Определенно, это уже очень серьезно...

– Разве у меня есть выбор? – неумело улыбнулся Плахин. – Да и ты же у меня уже взрослая девочка, самостоятельная. Так что решай... Или ты уже всё решила?

– Конечно, папа! Спасибо! Ты самый лучший!

Она обняла его. Потом быстро схватила телефон, выскочила на лестницу.

«Понятно, у нее секретный разговор... И похоже, самый лучший для тебя теперь уже не я...» – грустно подумал Плахин. – Ну, дай Бог тебе счастья, доченька... Иди к своему хорошему! А за меня не волнуйся!»

...Телевизор на кухне все ещё работал, но программа «Беседа с неверующим» уже закончилась. Жалко... Ничего, завтра повтор должен быть, посмотрим. Да и спать пора.

А интересный сегодня был денек, однако...

Глава четвертая. Антресоли.

Воскресенье, 25 декабря 2022 года

Антресо́ль (*фр.* entresol) – верхний полуэтаж, встроенный в объём основного этажа в особняках и усадебных домах XVIII века и первой половины XIX века. Как правило, имеет низкий потолок. При этом приходится или делить большие окна этажа, или устраивать форменный низенький этаж с самостоятельными, сравнительно малой величины окнами.

Антресолю называется также верхняя часть высокой комнаты, разделённой на два полуэтажа [1]. В советских и постсоветских домах используется множественное число «антресоли», обозначающее секцию потолочного шкафа, отделённую под кладовые нужды (чаще всего присутствовала в домах 1945—1970 годов постройки; позже была заменена и (или) дополнена полноценной кладовой комнатой).

Из Википедии

Плахин проспал.

К счастью, сегодня не надо было вести Дашку в сад. Да и у Наташки выходной... Настоящее воскресенье!

Но вставать всё-таки надо...

Туалет, ванная, кухня...

А на кухне его уже ждали.

– О, дедушка наш проснулся, – улыбнулась Наташка. – А мы не хотели тебя будить! Яичницу? Или возьмешь бутербродами?

– Пожалуй, и тем, и другим возьму... И кофейку сварю, пожалуйста, – Плахин с облегчением опустил на любимую табуретку с видом на Пушкина.

«С добрым утром, Александр Сергеевич...»

– Деда! – увлеченно жуя бутерброд с колбасой, начала Дашка. – А мы с мамой в кино собрались! «Аватар-3!» Пойдешь с нами?

– Да нет, наверное. Я потом как-нибудь с Интернета посмотрю...

Плахин в принципе не отказался бы посмотреть новый фильм о приключениях синих людей с далекой планеты. Но по выходным в кино обычно столько народу... Пусть вон молодежь идет, а нам спешить некуда, мы можем и подождать месяц-другой. Посмотрим потом все дома, к тому же бесплатно...

– Да, кстати, – сказала Наташка, разбивая яйца на сковородку. – С Интернетом сегодня какая-то непонятка творится. На всех сайтах дает ошибку.

– А мы проплатили? – озабоченно спросил Сергей.

– Ну да, разумеется, – кивнула дочь. – Только тут дело, не в провайдере, похоже. С мобильного тоже ведь ничего не открывается...

– Ну тогда по старинке будем жить! – улыбнулся Плахин,

беря в руки пульт от телевизора. – Только с телеком, как при прежнем режиме...

– Ну да, – с сомнением сказала Наташка, ставя перед ним тарелку с яичницей. – Только как-нибудь без нас... Мы лучше в кино! А, может, все-таки с нами пойдешь?

– Нет, девочки, идите сами... К тому же мне ещё елочные игрушки надо найти, они там на антресолях где-то были. Тыщу лет туда не залезал! А кстати, может, Арсений с вами в кино сходит?

– Арсений сегодня работает, – отчего-то покраснев, сказала Наташка.

– Бедный! – сочувственно вздохнул Плахин. – Какой же он бедный, несчастный человек...

– Папа! – засмеялась Наташка. – Не продолжай!

– Это почему? – улыбнулся Плахин. – Дальше моё любимое как раз: «Надо подставить ему плечо, бросить спасательный круг человеческой помощи и сострадания...»

– Папа! – повторила дочь. – Мы это все уже знаем! Наизусть!

– Ну хорошо, хорошо... Дальше не буду! Когда у вас сеанс-то?

– Так... Мы и не знаем! Интернета-же нет! – пожала плечами дочь. – Пойдем с утра наудачу, а если ждать придется, по «Галерее» походим. А то Дашка уже из всего выросла... Да, солнышко? Хочешь в «Галерею?»

– В «Галерею?» – обрадовалась Дашка, вылезая из-за сто-

ла. – Конечно, хочу! Уже бегу!

– Так что, папа, ты нас рано не жди! – вздохнула Наташка. – Кино часа три, да ещё по магазинам... Потом она меня ещё куда-нибудь поесть затащит... Только к вечеру вернемся, часам к пяти в лучшем случае. Там, глядишь, и Интернет появится.

– Ну идите, девочки, развлекайтесь... А меня тут ждет, что называется, глубокое погружение...

А всё-таки, что же с Интернетом случилось? Может, хоть в новостях скажут?

25 декабря 2022 года. Выпуск новостей. (С комментариями С.Е.Плахина)

«Плановые учения по обеспечению устойчивости Рунета проходят сегодня по всей территории Российской Федерации. Об этом сообщил сегодня замглавы Минкомсвязи...»

Ах вот оно что... Ну и как у нас обстоят дела с устойчивостью?

«В ходе учений отрабатываются действия госорганов и операторов связи, которые позволяют эффективно реагировать на возникающие риски и угрозы...»

Понятно теперь, как они собираются на них реагировать. Путем полного отключения, не иначе...

«В числе прочих задач будет проверена также целостность и безопасность работы интернета в случае внешних негативных воздействий, уровень защищенности абонентов сотовой связи...»

То есть, похоже, и связь нам скоро тоже отключат. Весело...

«Окончание учений намечено сегодня на пятнадцать ноль-ноль. Полный анализ будет дан в ближайшее время...»

Ну хорошо, хоть не так надолго. А то без Интернета как-то грустно жить...

«Газопровод «Северный поток-2» завершает сезон с рекордными показателями. Об этом сегодня на итоговом собрании акционеров заявил глава консорциума «Северный поток» господин... Всего конечным потребителям в странах Евросоюза было поставлено...»

Ну да, о Евросоюзе у нас никогда не забудут. Только лучше бы вы в Тихую свой газопровод провели. А то Федя свою церковь так и топит дровами всю зиму. Да и в Протоках бы

газу порадовались...

«В Шотландии определились с датой референдума о вступлении в Евросоюз. Он намечен на второе февраля будущего года, немедленно после выхода страны из состава Великобритании, который, как известно, состоится первого февраля. Об этом заявила Президент Республики...»

Кажется, Великобритании больше нет... Ну, туда им и дорога. Вот этих, сказать по совести, нисколько не жалко!

«Всеволод Гуров провел сегодня рабочую встречу с недавно назначенным губернатором Зауральской области Романом Ильичем Стрешневым...»

Симпатичный какой у них губернатор... А вот наш главный как-то неважно выглядит. Похоже, совсем заработался...

«В ходе встречи губернатор Зауралья доложил Президенту о проделанной в области работе, в частности, о подготовке к зиме...»

Вовремя он, однако. Видимо, там зима только к Новому году начинается...

Тоска...

Блин, у меня же дело есть, вдруг вспомнил Сергей. Надо же с антресолей игрушки достать!

...Задача казалась легкой только на первый взгляд.

Дом его был старым, построили его ещё в конце девятнадцатого века, когда забытая Богом Компанейская улица на окраине тогдашнего Петербурга стала активно застраиваться. Строили на совесть: квартиры на целый этаж, большие комнаты, высокие потолки... Улица получилась очень красивая, именно ее выбрали для установки первого в столице памятника Пушкину, после чего император Александр Третий высочайше повелел ее переименовать.

Потом, уже после революции, в их доме многое изменилось: после перепланировки и уплотнения вместо пятнадцати квартир образовалось аж семьдесят четыре. Новой власти были нужны люди. Много людей, которые должны были где-то жить...

Вот так и появилась тогда его квартира, которая когда-то была просто одной очень большой комнатой с тремя окнами на улицу. Не обращая внимания на лепнину на потолке, ее безжалостно разделили несколькими перегородками. Так и появились коридор, кухня и две комнатки – большая, которая так и осталась для Сергея комнатой родителей, и его маленькая. В этой самой маленькой комнате он и вырос, потом там Максим рисовал... А сейчас в ней снова жил Сергей.

Круг замкнулся, что называется...

В дальнем от входа углу той гигантской первоначальной комнаты была гардеробная без окна; ее тоже поделили на две части: из одной образовались туалет и ванная, а другую отвели под кладовку. Пользуйтесь, граждане!

Получилось очень даже уютно, им все завидовали.

Несмотря на все переделки, одно оставалось неизменным. Высоченные трехметровые потолки с лепниной.

В комнатах это, конечно, хорошо, но для кладовки такие потолки вроде как и не нужны. Поэтому ее тоже разделили, но уже по высоте. Так и появились у них антресоли.

Собственно, в этом нет ничего удивительного. Такие антресоли ведь есть почти в любой старой питерской квартире, и везде они очень похожи.

Антресоли всегда забиты чем-нибудь, причем забиты полностью, под завязку. Куда деть, к примеру, старые журналы? В макулатуру? Вы что?! Там ведь столько интересного, вдруг потом захочется перечитать... Лучше мы их свяжем и закинем на антресоли. Подальше...

Старая обувь? Туда же! Вдруг дети у кого-нибудь подрастут...

Пустые банки, валенки, фотоувеличитель... Все туда! Главное – запихать поглубже, чтобы место ещё осталось.

Чтобы опустошить антресоли, нужна смена поколений. Когда умрет старая бабушка, и в ее квартиру вселятся, наконец, взрослый внук с женой, они все это безжалостно вы-

кинут. Для них это хлам, а с хламом всегда поступают одинаково...

Это бабушка могла про каждую вещичку с антресолей рассказать целую историю. В этих вот тупляках она танцевала в Доме Культуры, когда первый раз увидела дедушку... С этим вот чемоданчиком уезжала на Целину... А вот радиоприемник, по которому Левитан рассказывал про Гагарина... И который ещё можно починить! Наверное...

Но внукам все это мешает. Им, скорее всего, хочется вообще не иметь антресолей. Зачем держать дома всякую рухлядь?

Да и с высокими потолками как-то получше...

Иногда, конечно, при разборке антресолей можно найти что-нибудь интересное. Антиквариат! Но это бывает очень нечасто. К тому же, для того, чтобы опознать настоящую ценность, надо очень хорошо знать историю... А история – наука скучная.

Но пока внуки ещё не добрались до антресолей, в почти каждой старой питерской квартире ждет своего часа своеобразная капсула времени. Кто-то, распечатав ее, не найдет ничего, кроме старья и хлама, который остается только выбросить. Но кто-то там, сквозь запахи книжной пыли и нафталина сможет ещё уловить дух ушедшей безвозвратно Эпохи... Эпохи, когда люди уже научились летать в космос, но никак не решались выкинуть старую сковородку или стоптанные ботинки. И не стоит их за это осуждать...

Хотя и восхищаться ими тоже не получается.

Антресоли в квартире Плахиных были очень большими, даже по питерским меркам. Почти два метра в длину! Чтобы достать то, что лежало в глубине, надо было залезть туда целиком...

А елочные игрушки, к сожалению, должны были быть в самом конце. Так что Плахин несколько не лукавил, когда говорил про глубокое погружение.

Сергей и не помнил, когда они последний раз доставали их. Мама ещё была, вроде... Ну да, конечно, была! Кажется, он ещё в школе учился... Потом они елку ставить почему-то перестали.

Да, кстати, а почему? Что такое тогда произошло?

Не помню... Давно ведь дело было!

Ладно, это сейчас не важно. Так, ставим стремянку... Стоит вроде бы хорошо, не болтается. Поехали!

Поднявшись наверх, он решительно выдернул шпингалет, удерживающий дверцу в прошлое. Та вдруг резко распахнулась, чуть не сбросив его со стремянки вниз.

Сергей промолчал, хотя и с большим трудом. «В Санкт-Петербурге живут очень культурные люди. Когда они попадают себе молотком по пальцу, то вместо того, чтобы выругаться, читают вслух «Евгения Онегина», – вспомнил он фразу из своей молодости. Будем же культурными, блин...

К тому же, это была полностью его вина. Ближе всего к

выходу стояли пустые коробки от его ботинок, места для которых на антресолях уже не было. Запихав их кое-как, Сергей тогда с силой надавил на дверь, чтобы защелкнуть шпингалет. Коробкам это, видимо не понравилось, они дождались момента, и попытались отомстить...

«А вот интересно, почему я их сразу не выкинул?» – вдруг подумал Сергей.

Хотя, по большому счету, понятно, почему не выкинул. Там же чеки остались, на обувь вроде бы есть какая-то гарантия. Вот кто и когда сдавал обувь по гарантии? Тогда почему мы бережем пустые коробки?

Да в пекло их! Там им теперь самое место...

Дальше стояла большая корзина с пустыми банками. Мама очень ими дорожила, каждый год делала варенье... Вот ещё и кусок пластыря на банке остался. Можно даже прочитать : «Клубника 99»... Вкусное было варенье!

А осталась от него только банка. И что это? Память? Ну да, наверное...

Хотя скорее, это всё-таки хлам. И банки эти, да и сама корзина, с которой они когда-то ездили за грибами...

Сергей осторожно опустил корзину с банками вниз, к обувным коробкам.

Дальше шли тюки со старой одеждой. Вот вещи Максима, из которых он когда-то вырос... Их так жалко было выбрасывать, ведь они же были почти новые. И отдать их было некому...

Бедный мой мальчик... Как бы хорошо нам всем было, если бы ты был с нами!

Вот эта курточка с зайчиком, тепленькая... Новая совсем. Ее тогда, перед той поездкой к Матушке, оставили дома. А потом... Это же память! Разве можно было ее выбросить?

Да... Тогда, наверное, было нельзя. А сейчас? Сейчас, наверное, можно.

Мамины вещи... Какие-то платья с кружевами, истлевшие вязаные кофты. Их тоже можно выбросить!

Надо же, сколько места образовалось! И рука уже не достает... Здесь, кажется, должна была быть старая швабра, ей так удобно было заталкивать всё поглубже...

Да, вот же она, сверху, на коробках! Отлично... Шваброй можно ведь и подтягивать к себе что-нибудь. Вот эту коробку, например...

Тяжелая какая! Пылесос «Panasonic»... Это я маме дарил, когда ещё у Козулича работал. Пылесос довольно быстро сломался, его сразу выкинули. А коробка осталась... А что там в ней?

О, Господи... Дамские романы, мама читала их тогда запоем. И названия зачетные, что называется... «Запретная страсть»... «Остров любви»... «Сладостное пекло»...

Вот туда мы это все и отправим. В пекло!

Плахин с сомнением посмотрел на образовавшуюся внизу гору мусора. Ещё чуть-чуть, и спускаться со стремянки будет некуда. Пожалуй, надо сделать небольшой перерыв. Пе-

рекусить, затем отнести всё это на помойку, и продолжить поиски... Только надо бы найти фонарик, а то там уже ничего не видно.

Да, кстати, а что я искал?

Елочные игрушки, с трудом вспомнил он. Заработался... Точно, надо передохнуть! Попить чаю с Александром Сергеевичем...

Но сначала всё же на помойку. А то потом сил уже не будет...

Плахин упаковал мусор в два больших зеленых мешка. Влезло все, кроме корзины с банками. Немного подумав, он связал мешки между собой веревкой, перевесил через плечо. И обе руки оказались условно свободны... Так что в одну возьмем корзину, другой будем придерживать мешки. Тяжеловато, конечно... Но так мы хотя бы за один раз управимся!

Погода, на удивление, была не такой уж плохой. Маленький плюс, никаких осадков. Даже солнышко периодически появлялось из-за облаков. И слякоть куда-то подевалась...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.